

«Аддио, прощай, Наннарелла!» — слышалось там и тут среди огромной толпы на всем пути катафалка от церкви на площади Минервы около Пантеона вплоть до отдаленного кладбища Верано.

В этот день Рим не работал. Движение транспорта прекратилось. С Анной Маньяни прощались все. Это был неожиданный всеобщий инстинктивный порыв. Обычно полные скептицизма и практицизма, римляне вдруг осознали, что не стало их самой большой актрисы.

И вместе с мэром Рима, парламентскими и кинознаменитостями на улицу потянулись ремесленники, торговцы и женщины. О, сколько женщин, с такими же набухшими и потемневшими, как у Маньяни, глазами! Только на этот раз не от ярости, а от слез. В этом порыве, который охватил Рим, было немало чувства вины. Последние десять лет Анна угасала в гордом одиночестве. Она отвергала пошлые filmy, мелкие роли, которые должны были сдобривать гротеском пустой блеск сексуальных бомб современного кино.

Ее эра умерла, казалось, раньше актрисы, вместе с кончиной неореалистического взлета итальянского кино. Анна Маньяни была трагическим кричащим лицом неореализма. Она утомила своей непрерывной правдой тех, кто ждал от зрелищ отдыха, кто жаждал успокоения в виде красивых в самом банальном смысле актрис. Анна Маньяни была черно-белой. В накрашенном мире цветного кино она шокировала продюсеров, кинорежиссеров, искавших денежного успеха, и, что греха таить, самого зрителя. Он ведь тоже не святой. Анна была слишком сильной и темпераментной женщиной, со слишком народным характером, чтобы на нее можно было

взирать без чувства смутного беспокойства. Она бередила раны, о которых зритель спешил забыть. В ней он видел свое достоинство. Но и слишком отчетливый протест, который могут спокойно воспринимать лишь некоторые умудренные критическим мышлением персоны. Не таковы римляне и массовый итальянский зритель...

И все-таки их, как ветром, вынесло на улицу, когда сообщили, что Маньяни скончалась за три часа до того, как телевидение собралось (наконец-то!) показать ее фильм «Год 1870». Анна собиралась его посмотреть, увидеть себя яростной молодой женщиной... Это был один из последних фильмов, где Маньяни ожидал огромный успех. Первый же памятник все — «Рим

АДДИО, АННА!

— открытый город» Роберто Росселини. Анна — его трагическая престопа родная героиня, павшая от пуль нацистов.

«Известно, что означал фильм «Рим — открытый город» для истории нашего кино и всей гражданской истории Италии, — вспоминает сегодня миланская «Коррьере дела сера». — Много раз уже говорилось о том, что больше любых речей министра иностранных дел эта картина послужила восстановлению доброго имени Италии после военного поражения». Почему? Потому что, как никто другой, Анна Маньяни смогла выразить в этом фильме лучшие качества итальянского народа.

НЕСМОТРЯ на длительную театральную карьеру, Маньяни никогда не полагалась только на академические знания. «Я часто спрашивала себя, отчего актеры и актрисы говорят иначе, чем в жизни, языком абстрактным и напыщенным. Я наблюдала за людьми на улицах, за тем,

как они беседуют и движутся. И с тех пор я стараюсь воспроизводить правду».

И еще признание актрисы: «Окончив академию драматического искусства и став ученицей Д'Амико, я была самой непонятливой ослицей, так ни разу не перелистав страницы театральной истории». Но она вписала в эту историю новые страницы. Смогла сделать это. Черный бунтарь с горящими глазами — так окрестил ее режиссер Дзеффирелли. Она шла от инстинкта, от веры в народную мудрость, от римского быта. Родившись в семье египтянина и итальянки в Александрии в 1908 году, с пяти лет Анна Маньяни жила в Риме, считала его родным городом, усвоила его интонации — от злых и крикливых до самых нежных и добрых. Она стала достойной Вечного города и в чем-то его превзошла. И Рим, обладающий большим, хотя и трудным сердцем, оценил нынешнюю потерю, воздав должное актрисе после ее кончины.

«Италия, которая уже имела Элеонору Дузе, должна поставить Маньяни в ряд тех, кто обеспечил ей национальную славу, и обязана долго помнить о ней», — писала одна из итальянских газет.

«Прощай, Лука, — говорила актриса единственному сыну незадолго до кончины, — скоро ты останешься один. Очень скоро».

Этот трагический шепот услышали Рим и вся Италия. Все итальянское и мировое искусство осиротело, потеряв жемчужину итальянского актерского гения. Вместе с римлянами все, кто любит истинное искусство, говорят сегодня: «Аддио, прощай, Наннарелла!»

Л. ЗАМОЙСКИЙ,
соб. корр. «Известий».

РИМ.